

Евгений Дога: «СОМНЕВАЯСЬ, УТВЕРЖДАЙТЕ...»

— Что дали вам долгие годы работы в кино?

— Мне кажется, что они мне помогли. В кино страшнейшие сроки, а я люблю, когда «фитиль подожен». И каждый раз мне предлагают какие-то новые задачи, и приходит своевременно ученическое чувство, а чувство это ценное, что ни говорить. В упрек работе музыканта для кино ставят большую привязанность к сюжету, иллюстративность, что ли. Те, кто говорит, не знают, какие возможности кроются в кино, как оно с пользой для тебя самого заставляет делать то, за что сам бы никогда не взялся. Скажем, когда я писал музыку к кинофильму Э. Лотяну «Анна Павлова», мне предстояло создать огромное количество оригинальной музыки. И я окупился в стихию балета. Потом, приступив к балету «Лучафэрул», ощутил, как мне это помогло.

Когда я писал музыку к кинофильму «Этот фантастический мир», я столкнулся с загадкой белого стиха, который предлагал мне совершенно новые музыкальные формы. А когда работал над музыкой к кинофильму «Табор уходит в небо...», занялся изучением цыганского пения. Это было своего рода исследование: «цыганскую вольту» эксплуатировали нещадно, а литературы по этому интересному музыкальному явлению не было. Когда слушаешь цыганское пение, впечатление такое, что поет большой хор, ну, по крайней мере, человек десять. На самом деле поют пять-шесть человек. Почему же так кажется? Цыгане не доводят ни одного голоса «до конца», они подхватывают партию от одного, до другого солиста. Возникает бесчисленное количество комбинаций, как в шах-

матах. Начать могут с альты, перейти на сопрано, а потом снова уйти «вниз», на бас. Удивительно, правда? И вот благодаря такому интересному изучению, я написал свою музыку к кинофильму.

Кроме того, музыка в кино дала мне аудиторию, а без нее я как композитор не могу. Да и в чем виноват «легкий» жанр кино? Жанры не виноваты. Виноват уровень работы в них художника. А композитор имеет право работать в разных жанрах. Их синтез в киномузыке так очевиден и интересен!

— А как быть с уже накопленным материалом? Нет ли опасности повторить свой опыт?

— Переход из одной музыкальной сферы в другую всегда дает новые темы, возможность по-новому взглянуть на то, что пишешь. То, что я назвал бы бегством от самого себя, от своего опыта, который — странное дело! — будучи накоплен, оказывается, тебе уже не нужен. Его повторить нельзя. Уходить, убегать все время необходимо, нужно отказываться от каких-то чувств, стереотипных, замерших, замученных понятий, чтобы увидеть свежо и ново. Это единственный путь существования художника.

Создавая, я всегда ишу конкретные рамки. Конкретный «колышек привязки». Но жизнь художника, его творчество на этой привязке не держатся. Их нельзя зачехлить. Я много езжу не для того, чтобы убедить кого-то в чем-то, или обрести равновесие, или большее признание, как могут иные подумывать. Здесь, в Молдавии, мое начало, моя земля, на который и начала расти моя лоза. Но если моя лоза переползает на соседний участок, почему я должен ее обрезать? Моим сосе-

БАЛЕТ «Лучафэрул», песни — «Зеркало мгновения», «Вечный город», «Человеческий голос» и ряд других произведений народного артиста МССР, лауреата Государственной премии Молдавской ССР, лауреата премии комсомола Молдавии им. Б. Главана Евгения Доги выдвинуты на соискание Государственной премии СССР. Это итог многих лет работы, за которыми симфония и три струнных квартета, хоры, вокально-симфонические произведения, музыка к более восьмидесяти фильмам разных студий нашей страны, пластинки и песенные сборники; это, наконец, дань признания его организационно-творческим делам, которые он ведет активно как в республике, так и за ее пределами, как будучи первым заместителем председателя правления Союза композиторов Молдавии, членом художественного совета Госкино МССР, членом Советского Комитета защиты мира. Но для большой аудитории слушателей, которые с интересом ждут каждое его произведение, Дога прежде всего художник, автор популярных песен, вальсов, сонат, звучащих по радио и телевидению, в концертных залах.

Сегодня мы знакомим читателей с творчеством композитора, с его планами, мыслями об искусстве, о времени, о себе.

дям неважно, что она начала расти у меня на огороде — они видят ее плоды, радуются им, могут даже насладиться ими, если они им по вкусу. Почему я должен лишать возможности слушать мою музыку в далеких уголках страны, куда не так часто приезжают композиторы или профессиональные, столичные певцы? Я помню множество дорогих мне, трогательных встреч, например, с простой женщиной, пожилой крестьянкой в Кировской области, которая со слезами на глазах благодарила меня за тот праздник, который увидела на клубной сцене. Она открыла для себя мир искусства. И концерт в моем селе Мокра в Рыбницком районе, когда односельчане увидели впервые Ленинградский оркестр, певцов, которых раньше слушали только по радио или смотрели по телевидению — разве не был открытием?

Вот говорят: «Он уезжает. Может, чего доброго, останется в Москве». Я буду уезжать. И пусть за меня не боятся, ведь я за себя не боюсь, как сказал поэт. Я почувствовал вкус поездки и встреч. Это очень приятный вкус. И если у тебя нет этого вкуса общения, желания открыть для себя мир людей, как человек ты потерян. Как художник, возможно, тоже.

Не только наблюдать со стороны, но ощутить жизнь народа в непосредственной близости, в слиянии, беседа в общении — вот прекрасное состояние. Оно обогащает.

Нас, людей, связывает одна общая тайна. Один моментик совпадения. Он всегда есть. И если он услышан кем-то в твоей музыке, человек оказывается во власти твоего произведения. Он будет потом думать о своем, пусть думает, но отныне он

твой соучастник. Кстати, и музыкант, когда пишет, тоже проходит через стадию «моментика», то есть попадания в точку, точку, на которой будет потом закреплено полотно музыки. Таких точек может быть несколько. Происхождение этого попадания — тайна. Скажем, сроки меня поджимают, я тороплюсь писать. Но, увы, не идет. Сажусь читать какую-то книгу. Осталось три дня, а я все читаю. А потом, чувствую, пришло! Только успевая записывать. Что-то мне задало необходимую формулу, что-то эмоциональное, трудно объяснимое, ибо герои книги жили совсем не той, не близкой мне жизнью. Но формула задана, и по ней я «расшифровываю» содержание своих эмоциональных запасов. Они, оказывается, есть. Надо только всегда заражать себя чужой жизнью, нет, не ограждать, не беречь себя, а вот как я уже говорил — убегать от

себя. И только тогда жадно будешь стремиться к себе, потому что соскучишься по себе.

— Как создавался балет «Лучафэрул»?

— Меня манил классический сюжет поэмы Михаила Эминеску. Но готовым к нему я себя долгое время не считал. Классики помещены в нашем воображении на стену в золотые рамки, и чтобы дотянуться до них, нужна лестница или табуретка. А Эминеску — воплощенная звезда идеала, до нее с помощью лестницы не доберешься. И все-таки мы с Лотяну решили создать балет, но балет необычный, со словами, ибо как можно обойтись без слова Эминеску? Оно настолько емко, выразительно, сильно! С самого начала нам было ясно, что это будет балет-опера. Забегая вперед скажу, что зрители ушли из сценической постановки в кишиневском театре оперы и балета в силу так называемых технических причин. Может быть, когда-нибудь они появятся, и вместе с ними — балет, каким он был задуман.

Начал я писать балет еще в семьдесят третьем году. Написал какие-то сцены. Но как только дошел до характеристики Лучафэрула — остановился. Я был оказывается, просто не готов. Я не нашел для него... музыкальных слов. Лихо взялся, но остановился. И десять лет еще работал — писал песни, музыку к кинофильмам, массу вещей, пока не начал работу над видеофильмом для детей «Этот фантастический мир» и почувствовал, что рядом с этой фантастикой и лежит тот вечный мир звездного неба, где жил «Лучафэрул». Потом я болел и много думал, как всегда бывает во время болезни, о разных вещах, и о смысле жи-

ни. И вдруг балет записался, и за два с половиной месяца был создан, я еле-еле успевал дописывать, даже не правил, можете посмотреть партитуру.

— Как вы понимаете современное искусство?

— Как синтез. Сегодняшний человек информирован. Само время многосложно. Много-сложно и восприятие: в слуховой памяти есть и рок-музыка, и классика, и опера, и эстрада. Стерильную, чистожанровую музыку создавать сейчас вряд ли возможно. Вот вам яркий пример — современная опера. Ее хотят осовременить, влить свежую кровь, а пишут в стиле девятнадцатого века. Но тем языком музыки о современности уже не расскажешь. Образец современного оперного спектакля для меня «Мертвые души» Родиона Щедрина. Да и опера ли это? Действо, скорее, — драма.

Искусство всегда требовало утверждения красоты. Вы можете в чем-то сомневаться, но всегда утверждайте! Заражайте сопереживанием того, для кого предназначено ваше творчество. Казалось бы, человека уже можно было насытить прекрасным в искусстве, но и при информационной насыщенности он тоскует о красоте. В этом я убеждаюсь, получая письма, разговаривая со слушателями. Не думаю, что моя музыка «насытила» их красотой, но надеюсь, что она, как маленький моторчик в большом дизельном тракторе, завела другой, большой мотор, называемый человеческой душой. И на этом, как говорится, спасибо. Задача выполнена. И все, что есть в музыке сильного, страстного, нежного, гневного и скорбного, зажигается только в душе человека. Музыка в тебе самом — так идите же к себе, ищите себя, не останавливайтесь!

Беседу вела

Е. ШАТОХИНА.